

Литературоведение

Ирина Захариева (Болгария)

ПУТЬ ПОЭТА НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА КАК ВОПЛОЩЕННОЕ «ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВО»

Понятие «жизнетворчество» распространилось в русской поэзии с девяностых годов XIX века. Ввели его символисты «первой волны», а смысл заключается в том, что творческий процесс воспринимался как продолжение переживаемой реальности. Концептуальный подход *жизнь как творчество* с особым воодушевлением был воспринят К.Бальмонтом и В.Брюсовым. Владислав Ходасевич описывал среду символистов в очерке «Конец Ренаты» (1928): «Здесь пытались претворить искусство в действительность, а действительность в искусство. События жизненные <...> никогда не переживались как *только и просто* жизненные: они тотчас становились частью внутреннего мира и частью творчества. Обратно: написанное кем бы то ни было становилось реальным, жизненным событием для всех» (курсив автора – И.З.) [Ходасевич 1991: 270].

В первом десятилетии XX века представление о «жизнетворчестве» формировало художественное сознание *Николая Гумилева* (1886-1921), который на раннем этапе литературной деятельности вступил в переписку с Валерием Брюсовым и с обостренным вниманием прислушивался к его суждениям об искусстве. В стихотворении «Поэт» (1907) Брюсов провозглашал: «Быть может, все в жизни лишь средство / Для ярко-певучих стихов...».

Домашняя среда Гумилева не была связана с искусством. По отцу он происходил из небогатой семьи служителей церкви. Этимология фамилии идет от латинского слова *humilis*, что означает *смирный*. Степан Яковлевич Гумилев окончил духовную семинарию в Рязани, а затем получил медицинское образование в Московском университете. В течение двадцати шести лет он служил врачом корабельной службы и участвовал в дальних плаваниях, о чем рассказывал сыновьям Дмитрию (род. в 1884 г.) и Николаю. Младший сын с ранних лет мечтал о путешествиях [Высотский 1990: 699-729].

Место рождения будущего поэта – приморский город Кронштадт близ Петербурга, а затем семья перебралась в Царское Село – пригород Петербурга. В царскосельской гимназии юный Гумилев встретил своего

первого покровителя в области литературы – поэта и критика Иннокентия Анненского, – преподавателя, известное время и директора гимназии. С одобрения Анненского гимназист выпустил стихотворный сборник «Путь конквистадоров» (1905), но вскоре сам расформировал книжку, состоявшую из 18-ти стихотворений. В Царском Селе в пору учебы в гимназии начался его юношеский роман с Анной Горенко (будущей Ахматовой).

Домашнее воспитание детей легло на плечи матери Анны Ивановны, происходившей из старинного дворянского рода Львовых. Анна Ивановна отличалась религиозной настроенностью. Она водила сыновей в церковь, читала им Священное Писание. В отроческие годы Николая поразила фраза из Евангелия: «Вы – боги». В нем зарождалась уверенность, что он сам может сформировать свою личность и дать направление собственной судьбе. Всю жизнь он оставался глубоко верующим человеком.

Семья выезжала на лето в имение «Березки» Рязанской губернии. В деревенских условиях будущий поэт устраивал себе жизнь вне домашнего уклада. Вырыл пещеру на берегу реки, где предавался размышлениям. Позже вспоминал (в стихотворении «Память») о том, каким он был в детские годы: «...колдовской ребенок, словом останавливавший дождь», т.е. уже в то время он занимался медитацией [Гумилев 1988: 309. В дальнейшем цитируется по указанному изданию с обозначением страницы в тексте]. Кроме того, мальчик готовил себя к предстоящим странствиям и противоборствам: учился плавать, стрелять, осваивал верховую езду.

После окончания гимназии Гумилев уехал в Париж и в течение двух лет слушал курс по литературе в Сорбонне. Засвидетельствован и его интерес к живописи. Там же он решил испытать свои силы в издательском деле: начал издавать литературно-художественный журнал «Сириус», но сумел выпустить только три номера. В журнале печаталась и Анна Горенко. Париж знаменателен для Гумилева и в том отношении, что в европейской столице он выпустил стихотворный сборник «Романтические цветы», который признал своей первой поэтической книгой. Вводилось и посвящение: «Анне Андреевне Горенко». В книге было собрано 32 стихотворения. В заглавии, возможно, совершалось отталкивание от классического образца европейской поэзии – от сборника «Цветы зла» (1857) Шарля Бодлера (Гумилев переводил стихотворения Бодлера с французского на русский язык).

В следующем сборнике стихов Гумилева «Жемчуга» последний раздел сохранял наименование первого сборника («Романтические цветы») и включал 19 стихотворений из предыдущей книги, с добавлением одного нового стихотворения – «Неоромантическая сказка». В третий раз автор издал «Романтические цветы» в 1918 году в Петрограде, за три года до

смерти. Посвящение А.А.Горенко было снято. Автор восстановил первоначальный объем сборника и добавил еще 13 стихотворений.

Факт переизданий поэтической книги показывает, что для автора «Романтические цветы» были стержневым сборником в его творческом развитии.

В стихотворении «Сонет», открывающем книгу, лирический персонаж представляется читающей публике: «Как конквистадор в панцире железном, / Я вышел в путь и весело иду, / То отдыхая в радостном саду, / То наклоняясь к пропастям и безднам». Текст стихотворения взят из расформированного сборника «Путь конквистадоров». От уничтоженной книжки осталось только заглавие – найденная формула выражения жизненного пути поэта. Оформлялась особая творческая структура, которую мы обозначим следующим образом: *Николай Гумилев – путь конквистадора*.

Автор настраивается на *ролевою* поэзию. Это означает, что лирическое Я выступает как исполнитель *роли*, вверенной ему автором. По мировосприятию он *неоромантик* – ему близок жанр *баллады*, и стихи он писал в *балладическом* стиле – с элементами сюжетности и со смещением реальности с фантазией. Ведущий принцип его *ролевой* поэзии – *притчеобразность*, *иносказание*. Склонность к *притчеобразности* пришла к нему из книжного источника – из Библии.

Поэзия Гумилева в значительной степени образно зашифрована, т.е. построена на аналогиях. В книге «Романтические цветы» различаются характерные для него аналогии: *пейзажные*, *зооморфные*, *вещные* и *персонажные*. Аналогии играют роль образных кодов. В сборнике развивается глобальный метафизический сюжет связанности земного человека с потусторонним миром.

В стихотворении «Сонет» появляется выразитель поэтического мира Гумилева – конквистадор (испан. *завоеватель*), стилизованный образ средневекового рыцаря. Соккрытие лица за «панцирем железным» дает поэту желанную свободу для выражения мятежных романтических и метафизических идей. Лирический персонаж *героизирован*.

Автор предупреждает, что тематика его стихов уводит от бытовизма: «Я не смотрю на мир бегущих линий, / Мои мечты лишь вечному покорны». Поясняются и *средства изобразительности*: «Сады моей души всегда узорны» (с. 101). Тем самым он выделяет красочную декоративность своей лирики. Влечение к колористике, к фигуративному изображению связывает поэта с живописцами. После прочтения его стихов в сознании читателя остаются красочные романтические картины.

После того как Гумилев вернулся из Парижа в Петербург, первые литераторы, с которыми он сблизился, относились к кругу символистов. Он

начал посещать символистское поэтическое объединение «Академия стиха» – слушал выступления Вячеслава Иванова, Валерия Брюсова. Но тогда же поэт предпринял попытку освобождения из *плена* символистской эстетики для себя и для тех, кто искал новые пути в искусстве, и основал вместе с поэтом Сергеем Городецким литературное объединение «Цех поэтов». Сопоставление названий двух объединений дает представление о различных подходах к проблемам выработки поэтического языка современного искусства слова: движение к жизненной реальности и стремление отыскать стиль, адекватный новым целям. Однако в практике самого Гумилева романтическое мировосприятие и приемы метафоризации говорили о том, что он сохранял достаточно прочную связь с символизмом.

Стихотворение «Одержимый» из второй поэтической книги «Жемчуга» составляет параллель со стихотворением «Сонет». Там обрисован поверженный герой. Авторский персонаж побежден той сверхсилой, которая одерживает верх в «сумрачных победах» («Мне сразу в очи хлынет мгла...»). Но участник «темного дикого боя» после смерти воспринимается живущими как праведник: «Вот странный паладин, / С душой, измученной нездешним» (фр. *paladin* означает рыцарь, преданный своему долгу).

Повторение мотива «поэт-рыцарь» подключает *жизнь* автора к фантастическому плану его *поэзии*. Использование персонажной маски в лирике помогало автору не только обращаться к метафизическому миру, но и переводить собственные мысли и эмоции в психологический подтекст. В конце первого десятилетия XX века **косвенное выражение лиризма** толковалось в российской эстетической критике как движение к формальной новизне.

Стихотворение «Сонет» в композиции сборника «Романтические цветы» играет роль *пролога*, где автор пытается предугадать направленность своей жизненной судьбы.

Душевное состояние лирического персонажа в первом сборнике – ощущение начала *жизнетворческого* пути. Он верит, что ему уготовано на земле и «пребывание в радостном саду», т.е. периоды радости, положительных впечатлений и эмоций; и прохождение мимо «пропастей и бездн» – подразумеваемые моменты тяжелых испытаний. Он заявляет о своей готовности подвергнуться любым испытаниям, – включительно испытанию смертью, – но для поэта-рыцаря гибель желанна лишь в том случае, если она будет означать его победу в неравном поединке с жизнью: «...рукою мертвеца я лилию добуду голубую». Цветок *лилия* в народной символике означает смерть, а *голубая лилия* ассоциируется со звездой – знаком восторжествования загробной судьбы персонажа.

Лирический субъект оповещает о своей фаталистической зависимости от «друга Люцифера», т.е. Сатаны. Близость с Люцифером порождает темы смерти: смерть в сборнике приобретает полиморфные обличия. Образ Люцифера, вносящего хаос в существование лирического персонажа, сопоставим с его двойником-антагонистом.

Люцифер, подаривший герою «золотое ... кольцо» с рубином (в стихотворении «Баллада»), вмешивается и в его отношения с любимой женщиной. После того как герой, очарованный «девой луны» (с чертами Ахматовой), отдает ей заветное кольцо, Люцифер преисполняется презрением к нему, беззащитному перед женскими чарами, и распахивает перед ним «ворота во тьму», т.е. делает его доступным смерти.

В 1910 году Гумилев вступил в брак с Анной Ахматовой. В том же году он издал свой второй сборник стихов «Жемчуга» (Москва, 1910). Сборник посвящался Валерию Брюсову, в посвящении указывалось: «моему учителю». В. Брюсов в рецензии на сборник уточнял имена других учителей Гумилева – Иннокентия Анненского и Вячеслава Иванова (в журнале «Русская мысль», СПб., 1910, № 7).

Название поэтической книги имеет символический смысл. Драгоценный камень *жемчуг* называют «лунным» и «женским», это камень тайного познания и эзотерической мудрости, связанной с учением Христа. В одном из стихотворений сборника рисуется ступающий по земле Христос, незримый людям («Он идет путем жемчужным / По садам береговым...», с. 133).

Для понимания мыслеобразов второй поэтической книги «Жемчуга» следует обратить внимание на ее композицию. В первом издании сборник имел четыре раздела. Уже упоминалось о последнем, четвертом разделе, сохранившем заглавие первого сборника – «Романтические цветы». Первый, второй и третий разделы были озаглавлены: «Жемчуг черный», «Жемчуг серый» и «Жемчуг розовый». В рассказе Гумилева «Скрипка Страдивариуса» (опубл. в московском журнале В. Брюсова «Весы», 1908, № 7) три нитки цветного жемчуга служили украшением дьяволу. Автор намекает на дьявольские соблазны, подстерегающие художника, в первом стихотворении сборника – «Волшебная скрипка». Так же как тень Люцифера в «Романтических цветах», нитки «дьявольского» жемчуга в «Жемчугах» – знаки соблазна и угроз со стороны темных сил: «Словно раб, я был закован, жил, униженный, в плену, / И забыл, неблагодарный, про могучую весну» (с. 132).

В поэтической книге «Жемчуга» более непосредственно выражены религиозные настроения автора, порождающие евангельскую тематику. В стихотворении «Ворота рая» показана устремленность верующих к гробу

Господню: «Двери рая вскроются для нас, / на горе Фаворе, у подножия / Прозвенит обетованный час». Гора Фавор находится вблизи Назарета, – места, где родился Христос, – и там же, по евангельскому преданию, совершилось его божественное преображение после жизни на земле. Поэт ожидает, что то же самое случится со всеми верующими христианами, и себя включает в их число. И природный фон его стихов заставляет вспоминать евангельские картины и эпизоды, как в стихотворении «Покорность»: «Тихо смотрю, как степная колышется зыбь, / Тихо внимаю, как плачет болотная выпь».

В «Жемчугах» продолжается поэтическая история конфликтных отношений Его с Ней. В цикле «Беатриче», состоящем из четырех стихотворений, лирический говорителю с тревогой сообщает о том, что «недавно / Бросила рай Беатриче...». Сознавая собственное несовершенство и возможную вину перед Ней, герой под маской Данте косвенно признается в сохранности своих чувств к Ней: «Грешник, развратник, безбожник, / Но он любил Беатриче». Созданный им сонет распространяет «потoki света» повсюду. Намечается литературная параллель: «Данте – Беатриче», «Гумилев – Ахматова».

Часть цикла, восславляющая Даму сердца поэта, звучит в стиле восточной комплиментарности: «Ты – лепесток иранских белых роз. / Войди сюда, в сады моих томлений, / Чтоб не было порывистых движений, / Чтоб музыка была пластичных поз» (эстетизация интимных отношений характерна для Гумилева в стихотворениях, связанных с образом Ахматовой).

Взаимоотношения супругов осложнялись противоборством двух сильных, неуступчивых характеров. Оба желали для себя полной свободы действий и поведения. Гумилев убеждал жену в том, что в их отношениях преодолевается различие «мужское» – «женское»; они связаны друг с другом навеки – независимо от того, останутся ли они мужем и женой.

В сборнике «Чужое небо» (Спб., 1912) автор пояснял (в стихотворении «Тот, другой»), чего он ждет от своей спутницы жизни: «Я жду товарища, от бога / В веках дарованного мне / За то, что я томился много / По высоте и тишине». С таким другом он желал бы пребывать в вечности. Ему хотелось бы видеть в Ней существо, соединявшее женские и мужские свойства личности, переходящие во *всечеловечность* (у него есть и отдельное стихотворение «Андрогин»). Но Ахматова оставалась Женщиной и оказывала знаки внимания тем, кого привлекала ее женская красота и мудрость [см.: Захариева www].

Заглавие сборника «Чужое небо» – интегральное выражение состояния лирического героя в условиях *земной* жизни при его неизменной устремленности в *родные*, безграничные небеса: «Я в коридоре дней сомкну-

тых, / Где даже небо тяжкий гнет, / Смотрю в века, живу в минутах, / Но жду Субботы из Суббот» («Вечное»). Поэт призывал «Субботу из Суббот»: «О день, когда я буду зрячим / И странно знающим, спеши!» (с. 164). Он представлял себе этот день как начало своего духовного перерождения: «...я душу обрету иную, / <...> / Благословлю я золотую / Дорогу к солнцу от червя» (с. 165). По отношению к земле он призывал в стихотворении «Молитва»: «Солнце, сожги настоящее / Во имя грядущего, / Но помилуй прошедшее!» (поэт трепетно оберегал прошедшее – в общекультурном смысле).

Сборники «Колчан» (1916) и «Костер» (1918), изданные в Петрограде, показывают, в каком направлении поисков двигался автор в своем *жизнетворчестве*. Как видно из заглавий, его тянет подальше от цивилизации – в варварскую древность и в отдаленные экзотические земли (отчасти он удовлетворил это свое стремление путешествиями в Африку, включительно участием в научно-исследовательской экспедиции).

В стихотворении «Я и Вы» (в сборнике «Костер») автор отделяет себя от других современных поэтов: «Да, я знаю, я вам не пара, / Я пришел из иной страны, / И мне нравится не гитара, / А дикарский напев зурны. // Не по залам и по салонам / Темным платьям и пиджакам – / Я читаю стихи драконам, / Водопадам и облакам». «Прапамять» (так он назвал одно из своих стихотворений) позволяет ему созерцать общую картину жизни в движении веков: «И вот вся жизнь! Круженье, пенье, / Моря, пустыни, города, / Мелькающее отраженье / Потерянного навсегда» (с. 265). Прогресс цивилизации, в его восприятии, связан с утратой жизнеспособности человеческого рода.

В сборниках «Колчан» и «Костер» усилены порывы лирического героя к боевой действенности, к подвигам; повторяется мотив движения навстречу гибели. Рефреном для двух поэтических книг может послужить строка из сборника «Колчан»: «Золотое сердце России / мерно бьется в груди моей» (с. 235).

Поэт сознает, что современники могут воспринять его как анахроничного автора из-за его *жажды битвы* (как в поэме М.Ю.Лермонтова «Мцыри»), но он остается верным своей натуре: что-то необъяснимое влечет его к единоборству с другой, враждебной силой. В стихотворении «Я вежлив с жизнью современною...» автор признается, как неистовый романтик: «Победа, слава, подвиг – бледные / Слова, затерянные ныне, / Гремят в душе, как громы медные, / Как голос господа в пустыне».

Слагаются стихотворения, рисующие картины собственной смерти. В стихотворении «Я и Вы» поэт предрекал: «И умру я не на постели, / При

нотариусе и враче, / А в какой-нибудь дикой щели, / Утонувшей в густом плюще».

Когда началась Первая мировая война, Гумилев записался добровольцем в действующую армию и там, в обстановке боевых действий, был награжден двумя орденами святого Георгия четвертой и третьей степени («...святой Георгий тронул дважды / Пулею не тронутую грудь» – с. 310).

Нетерпимость к жизни, лишенной волнующих переживаний и возможности рисковать собой, находит отражение в повторяющихся мотивах его лирики. В сборнике «Колчан» жалоба на тоску в условиях бессобытийности звучит обобщенно и с предельной резкостью: «Я не прожил, я протомился / Половину жизни земной» (с. 238). Вторая строка содержит переложение строки из «Божественной комедии» Данте: «Земную жизнь пройдя до половины» (в переводе М.Лозинского).

В страстном желании перемен лирический говорител в сборнике «Костер» призывает Землю к преобразению: «Земля, <...> / Одежды нищенские сбрось / И стань, как ты и есть, звездой, / Огнем пронизанной насквозь!» (с. 257).

Последняя поэтическая книга Гумилева «Огненный столп» (Петроград, 1921) вышла из печати непосредственно после его гибели (умер 24.VIII.1921 г.). Заглавие содержит религиозный символ. В ветхозаветной «Книге Неемии» (IX, 12) говорится о действиях Всевышнего: «В столпе облачном Ты вел их днем и в столпе огненном – ночью, чтоб освещать им путь, по которому идти им» [Библия 1968: 521-522].

Образ *огненного столпа* как общего ориентира для живущих заставлял задуматься о дальнейшей судьбе общества и личности после революционного переворота. В стихотворении «Память» об этом говорится недвусмысленно: «Сердце будет пламенем палимо / Вплоть до дня, когда взойдут, ясны, / Стены Нового Иерусалима / На полях моей родной страны» (с. 310). Поэт считал себя причастным к судьбе России, а имя его достигло пика популярности среди молодых читателей.

Об эмиграции он не думал – неожиданный арест (за «недоносительство» о том, что ему предложили вступить в контрреволюционную офицерскую организацию) перечеркивал его дальнейшие творческие планы. Находясь в тюрьме в 1921 году в ожидании расстрела, Гумилев читал свою любимую книгу – «Илиаду» Гомера, а на десять лет раньше он начал стихотворение «Современность» (1911) строкой: «Я закрыл “Илиаду” и сел у окна». Чтение книги, описанное в стихотворении, совершалось в тюремной камере: «Что-то ярко светило – фонарь иль луна, / И медлительно двигалась тень часового». Себя, читающего Гомера в обстановке тюрьмы,

он мысленно созерцал задолго до того, как это произошло в действительности.

Последний текст поэта был запечатлен на стене общей камеры тюрьмы на улице Шпалерной в Ленинграде: «Господи, прости мои прегрешения, иду в последний путь. Н.Гумилев». Конквистадор отправился в свой последний путь – к гибели и к бессмертию. Его жизнь и поэзия получали завершенность [Эльзон 1994: 298. О религиозности Гумилева см.: Вагин 1995: 599].

Какова же сфера деятельности Гумилева? Он основал поэтическое течение *акмеизм* и уделял много времени и внимания обучению технике ремесла молодых авторов в объединении «Цех поэтов», позже в поэтической студии «Звучащая раковина»; был одним известным критиком-обозревателем текущей поэзии, публикуя в петербургском журнале «Аполлон» свои «Письма о русской поэзии». Во время пребывания в Африке (в Абиссинии, в Занзибаре) он участвовал в составлении коллекции для Музея антропологии и этнографии в Петербурге («Я хожу туда трогать дикарские вещи, / Что когда-то я сам издалека привез...» – с. 295). События жизни преобразовывались в темы его стихов и непосредственно, и в фантастической трансформации.

Африканская тематика развита в поэтической книге «Шатер (стихи 1918 года)». Книга издана в Севастополе в 1921 году. В стихотворении «Вступление» он прославлял экзотический континент – землю, привлекавшую его своей ослепительной красочностью и непохожестью на цивилизованную Европу: «О тебе, моя Африка, шепотом / В небесах говорят серафимы [ангелы]». «Шатер» – последний сборник, который автор держал в руках.

И в организаторской деятельности, и в творческой практике Николай Гумилев стремился «поднять поэзию до уровня религиозного культа, вернуть ей <...> ту силу, которой Орфей очаровывал даже зверей и камни». Это было отмечено поэтом-эмигрантом Георгием Ивановым в статье 1922 года («О поэзии Н.Гумилева»), посвященной погибшему другу и наставнику [Иванов 1994: 490].

Желая вывести русскую поэзию XX века к *новой* реальности, он двигался вспять – от цивилизации к «естественному человеку». Опорами для смысловых сдвигов в поэзии ему служили Библия и *адамитизм*, мыслимый как возвращение к незамутненным истокам человеческого общества («Земля забудет обиды / Всех воинов, всех купцов, / И будут, как встарь, друиды [жрецы] / Учить с зеленых холмов» – с. 267).

Гумилев был готов оплатить не только прижизненной, но и загробной мукой свою миссию Поэта (с большой буквы). И наиболее выразительно

об этом сказано в стихотворении «Волшебная скрипка» (в сборнике «Жемчуга»). Двустипшие из этого стихотворения звучит как раннее напутствие самому себе и одновременно как автоэпитафия:

*На, владей волшебной скрипкой, посмотри в глаза чудовищ,
И погибни славной смертью, страшной смертью скрипача!*

После трагического конца Гумилева его имя было вычеркнуто из русской литературы советского периода до той поры, пока этот период не завершился, – до конца восьмидесятых годов XX века.

Александр Вертинский, вернувшийся из эмиграции в 1943 году, при исполнении песенных композиций на слова Гумилева объявлял, что слова текстов принадлежат ему самому: запрещалось даже упоминать имя «врага». А в эмиграции Владимир Набоков в 1972 году вспоминал поэта с чувством восхищения: «Как любил стихи я Гумилева...» [Набоков 2000: 358].

В 1923 году, вскоре после гибели поэта, В.Набоков написал стихотворный текст «Памяти Гумилева», и этот текст-канонизация заслуживает нашего внимания: «Гордо и ясно ты умер, умер, как Муза учила. / Ныне, в тиши Елисейской, с тобой говорит о летящем / медном Петре и о диких ветрах африканских – Пушкин» [Набоков 2000: 295].

Тридцатилетие спустя после расстрела Гумилева писатель-духовидец Даниил Андреев, по сути, подтвердил неизвестную ему набоковскую канонизацию убиенного поэта. В метаисторическом трактате «Роза Мира» он оповещал о том, что Николай Гумилев «не имел нисходящего посмертия» и «сразу после смерти» на земле «вступил через миры Просветления в Синклит», т.е. в высший слой российской метакультуры, где пребывают «просветленные человеческие души» [Андреев 1995: 138, 593].

В стихотворении «Творчество», в сборнике «Костер», Гумилев выразил свое привычное состояние *пребывания* между **жизнью/ смертью** и **творчеством**:

*Умчаться б вдогонку свету!
Но я не в силах порвать
Мою зловещую эту
Ночных видений тетрадь.*

Загадочная поэзия Николая Гумилева – это **неоромантизм Серебряного века**. Поэт выразил ту жажду подвигов, которая была разлита в атмосфере предреволюционного времени, хотя это время оказалось роковым для него.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев 1995 – *Андреев Д.* Собрание сочинений в трех томах. Т. 2. М., 1995.

Библия 1968 – Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. В русском переводе. М., 1968.

Вагин 1995 – *Вагин Е.* Поэтическая судьба и миропереживание Н.Гумилева // Н.С.Гумилев. PRO ET CONTRA. СПб., 1995.

Высотский 1990 – *Высотский О.* Семейная хроника Гумилевых // Гумилев Н. Золотое сердце России. Сочинения. Составитель В.Л.Полушин. Кишинев: Литература артистикэ, 1990.

Гумилев 1988 – *Гумилев Н.* Стихотворения и поэмы. Библиотеки поэта. Большая серия. Ленинград, 1988.

Захариева www – *Захариева И.* Тема Ахматовой в лирике Николая Гумилева // Balkan Rusistics – http://www.russian.slavica.org/userimages/2010_akhmatova_gum.pdf

Иванов 1994 – *Иванов Г.* Собрание сочинений в трех томах. Т. 3. М., 1994.

Набоков 2000 – *Набоков В.* Тень русской ветки. Стихотворения, проза, воспоминания. М., 2000.

Ходасевич 1991 – *Ходасевич В.* Колеблемый треножник. Избранное. М., 1991.

Эльзон 1994 – *Эльзон М.* Последний текст Н.С.Гумилева // Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994.